

Наталья
КОРНИЛОВА

ПАНТЕРА

полет над бездной

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Пантера

Наталья Корнилова
Полет над бездной

«ЭКСМО»

2003

Корнилова Н. Г.

Полет над бездной / Н. Г. Корнилова — «Эксмо»,
2003 — (Пантера)

В руках Марии Якимовой оказался «футляр» с базовой информацией секретного проекта, тайком вывезенного из России в Испанию. В последнее время они с боссом Родионом Шульгиным охотились за ним. И теперь выход для нее один – только бежать. Любой ценой немедленно исчезнуть с виллы, где ее вместе с женой босса Валентиной держат в качестве заложников. Иначе им всем, в том числе и боссу, грозит гибель. Те, кто завладел технологией превращения музыкальных звуков в мощнейшее психотропное оружие, способное дать им власть над миром, не остановятся ни перед чем, чтобы удержать в своих руках секрет. И Мария, как всегда в минуты опасности, обретает силу и ловкость Пантеры, совершая свой отчаянный прыжок над бездной...

© Корнилова Н. Г., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Пролог с экзотикой	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Корнилова

Полет над бездной

Пролог с экзотикой

– Петр Дмитрич... Петр Дмитрич!

Мелодичный женский голосок заставил загорелого сорокалетнего атлета поднять голову от шезлонга.

– Вас к телефону, Вишневецкий, – повторила девушка.

Мужчина поднес к уху протянутую ему трубку мобильного и мелодичным баритоном неспешно проговорил:

– Да, я слушаю.

– Это Вишневецкий, Петр Дмитриевич, – раздался в трубке резковатый голос, чуть пришепетывающий на польский манер.

– А, Гриша... рад тебя слышать. Ну что, как жизнь?

– Неплохо. Систему я наладил, осталось дожидаться вечера, чтобы сделать первый пробный пуск.

– Где планируешь?

– В казино.

– Хороший выбор, – одобрил Петр Дмитриевич. Он понимал, что азарт – одна из наиболее губительных и сильных человеческих страстей, и у них есть возможность проверить, как система гипертрофирует эту черту человеческого характера. – Но вот как и вообще будет ли идти процесс психотропной стимуляции? – проговорил он вслух, как бы сомневаясь.

– Вы сомневаетесь в этом, Петр Дмитриевич?

– Безусловно, нет. После тех средств, что были затрачены на разработку проекта и особенно на его вывоз, эта система просто не имеет права на прокол.

– Я рад, что вы думаете именно так, а не иначе, Петр Дмитриевич, – холодно произнес Вишневецкий.

– Ну-ну, не кипятись, Гриша, – выдерживая мягкую благожелательность тона своего бархатного голоса, улыбнулся его собеседник, – если тебя что-то не устраивает, скажи прямо, а эти эманации злобы на манер вдруг прорвавшегося гнойника мне не нужны. Тоже мне – блок НАТО.

– Какой еще блокнот? – не расслышал тот.

– С картинками, – иронично протянул Петр Дмитриевич. – Хорошо... при встрече выясним, чего ты там дуешься. Значит, так: больше ты ничего не желаешь мне сообщить?

– Сообщить? То есть вы хотите услышать, что господин Шульгин со своей помощницей, которая столько крови попортила нам в Москве, сегодня поступили на борт «Скрябина».

– Ну-ну... поступили. Прямо как о контейнере с грузом говоришь. Он один или все-таки?..

– Вы невнимательно слушаете меня, Петр Дмитриевич. Я же сказал, что с женщиной.

– Красивая?

– А вы ее не видели в Москве разве? Она еще невежливо обошлась с одним из ваших агентов, которому теперь разве что в хоре кастратов петь.

– А что там такое произошло?

– Да ничего особенного. Кажется, она выстрелила в него и отстрелила, извиняюсь за выражение, хер. А потом и вовсе едва не спровадила на тот свет. Артерию ему распорол.

– Ну это просто не женщина, а какой-то суккуб. Но ты так и не ответил. Красивая или так?..

– На вкус и цвет товарища нет, – последовал безапелляционный ответ.

– Как сказала одна минетчица широкого профиля другой, – едко дополнил Петр Дмитриевич. – Ну ты прямо как сухарь, Гриша.

– А теперь уже не Вишневецкий говорит, Петр Дмитриевич, – прорисовался в трубке второй голос, – теперь Протасов говорит. Тоже есть кое-что сообщить для вас.

– Ну, говори.

Насмешливое выражение таяло на сытом породистом лице Петра Дмитриевича по мере того, как Протасов выдавал свою информацию, так тает под яркими лучами апрельского солнца последний, уже черный и измученный снег. Дослушав, он выругался и швырнул трубку телефона в бассейн, на бортике которого, собственно, и располагался шезлонг, на котором он возлежал.

– Вот как! – процедил Петр Дмитриевич сквозь зубы и туго сцепил тонкие губы большого властного рта, словно боялся выпустить что-то жизненно важное. – Значит, все подтвердилось. Ну, Гришка, ну сукин ты сын! Таня! – крикнул он.

Высокая девушка в желтом пляжном костюмчике подошла к нему и вопросительно взглянула в упор большими безмятежными глазами. «Корова, – презрительно и раздраженно подумал Петр Дмитриевич, – безмозглая корова». Это только на фоне местных жительниц, то бишь урожденных испанок и каталонек, она выглядит королевой, потому как местную слабую половину человечества можно именовать прекрасным полом только в исключительных случаях, то есть по недоразумению.

– Позови мне Селадеса, – приказал Петр Дмитриевич. – Он должен быть здесь.

– Только что приехал из Матаро, – ответила она по-испански.

Он поморщился, а потом спросил уже более ровным голосом, гася в глазах стальную усмешку:

– А что это он делал в Матаро?

– Спросите его самого... вот он идет, – сверкнув белозубой улыбкой «от дежур», ответила она.

По краю бассейна быстро шел невысокий смуглый человек с острым небритым лицом и оливково-черными глазами. Несмотря на жару, он был одет в светлый костюм с черной рубашкой под легким пиджаком. Его внешность красноречиво свидетельствовала о том, что он является местным уроженцем, то бишь каталонцем из знаменитой Барселоны.

– Ну что, Хосе, почему нынче Испания? – весело спросил его Петр Дмитриевич по-русски.

Селадес посмотрел на него, откровенно не понимая смысла сказанного. Потом сел на шезлонг рядом с русским и поцокал языком, очевидно, намекая на то, что пора бы изъясняться более доступно для масс простого испанского народа.

– Это в России есть такая расхожая формулировка, – пояснил Петр Дмитриевич уже на каталонском, – которая очень в ходу у разного рода ура-патриотов. Это такие люди, которые всячески ратуют за национальные приоритеты державы посредством красивых слов и словосочетаний, – снисходительно пояснил он, рассматривая лицо Селадеса, отнюдь не прояснившееся пониманием смысла сказанного. – В стране, где я родился, очень любят говорить: почему нынче Россия?

Селадес кивнул.

– Ладно... что у тебя?

– Вы велели приехать мне, дон Педро, за дальнейшими распоряжениями, – ответил тот, несколько опасливо поглядывая на красивое лицо русского, выразительное, породистое, с надменно полуприкрытыми веками.

– Что ты делал в Матаро? Я же ничего не приказывал.

– Навещал сестру, – не моргнув глазам, ответил каталонец.

– У тебя там сестра? Тогда ладно. Семейные отношения надо поддерживать при любых обстоятельствах. Дальнейшие распоряжения... гм, что же это, Хосе, у тебя что, новый пистолет?

Тот покосился на Петра Дмитриевича почти испуганно:

– Как это вы узнали? Я же купил его только сегодня.

– Да ты на радостях засунул его прямо во внутренний карман пиджака. Судя по тому, как он прорисовывается под тканью и опускает наплечник пиджака, это не твой прежний «ствол». Ну-ка, дай посмотреть.

Хосе покорно протянул Петру Дмитриевичу свое приобретение.

– Неплохо, неплохо. – Русский вынул обойму, посмотрел в дуло, комично прищурился при этом правый глаз, и, вставив обойму обратно, прицелился в свой лоб. – Хорошую пушку ты купил, Хосе.

Селадес протянул руку, чтобы принять пистолет обратно, но Петр Дмитриевич не спешил расставаться с игрушкой.

– А что, Селадес, «Барселона» проиграла?

Петр Дмитриевич имел в виду футбольную команду «Барселона», которая базировалась в прекрасном городе и страстным поклонником которой был Селадес.

Тот усиленно замотал головой, вне себя от возмущения при попытке подобной возмутительной инсинуации и возведения напраслины на любимый футбольный клуб:

– Нет, дон Педро, выиграла три – один! Ключверт забил, и Ривальдо два забил.

– Правда? Забили? Ну что ж, поздравляю, – холодно заключил Петр Дмитриевич и, неумовимым для глаза движением вскинув пистолет на Селадеса, вдруг выстрелил.

По светлому костюму каталонца расплылось багровое пятно, он конвульсивно дернул руками по направлению к простреленной груди и бессвязно пробормотал что-то. Через секунду ноги его подогнулись, и он упал вниз головой в бассейн.

– Убрать эту падаль и сменить воду, – приказал Петр Дмитриевич подбежавшему негру. – Таня, – повернулся он к сидящей неподалеку за столиком девушке, не переставшей безмятежно тянуть сквозь соломинку коктейль со льдом даже при звуке выстрела, – подай мне халат.

Глава 1

Все начиналось при самых благоприятных обстоятельствах. Но, как говорится, такого не бывает, чтобы, начавшись за здоровье, действие самым стремительным и естественным образом не покатило к противоположному полюсу – то бишь не кончилось за упокой. Или едва не кончилось.

По крайней мере все вышесказанное справедливо в отношении этой великолепной парочки – моего босса Родиона и подруги Валентины, которая счастливо подвизалась в качестве его жены.

Надо сказать, Родион Потапович Шульгин всегда был очень своеобразным человеком. Так он охотно афишировал те сферы своей деятельности, которые меня совершенно не касаются и не интересуют, более того, вызывают раздражение. Родион Потапович с каким-то садизмом твердил, сколько раз Валентина меняла памперсы их малолетнему сыну, смело названному Тапиком, то есть – Потапом; с удовольствием перечислял подарки, купленные сыну, и называл астрономические цены, за которые, думаю, можно было приобрести едва ли не взрослые аналоги игрушек. Среди них – игрушечная трасса «Формулы-1» (с болидами!) и прочее в таком же духе. Не менее охотно босс подробно описывал рацион черт-те зачем заведенного пса-шарпея Счастливики, который вот уже больше года нервировал меня своими спонтанными набегами, проявляя при этом редкостную неразборчивость во вкусах: он то поедал кактусик, стоявший на системнике моего компьютера, то на манер игривого трехмесячного котенка пытался кататься на тюлевых занавесках, в результате чего они исчезали с окна и потом в донельзя изжеванном виде находились где-нибудь под лестницей. Венцом же экспансивной политики Счастливики стала разгрызенная и, кажется, по частям проглоченная новейшая беспроводная клавиатура за двести пятьдесят долларов, которую я из дутого тщеславия купила для своего новенького четвертого «пенька». Откровенно говоря, мне не был нужен ни «Пентиум-IV» (за глаза хватило бы и третьего), ни беспроводная клавиатура. Шарпей доказал мне это в максимально brutальной и, что характерно, наглядной форме.

Но я отвлеклась. Всех же нареканий в адрес проклятого собачьего отродья все равно не выскажешь.

Возвращаясь к боссу, я хотела сказать, что он, афишируя совершенно ненужную мне ерунду, тщательно скрывал от меня весьма нужные факты, даже очень нужные в работе. Тем более что для меня всегда оставались загадкой каналы информации, из которых он черпал столь необходимые нам при расследовании дел сведения.

Прошлое моего босса, то есть род его деятельности до того, как он организовал детективное агентство «Частный сыск» и получил на то соответствующий патент, всегда оставалось для меня прикрытым вуалью тайны. Я знала, что у него имелись обширные знакомства и завязки в спецслужбах, но стоило мне упомянуть, что он работал в той или иной госструктуре особого назначения, как Родион Потапович тут же решительно опровергал это.

Вообще босс отличался скрытностью. Ход того или иного расследования он зачастую почти полностью держал в мозгу, почти не знакомя меня с ним. Приходилось самой откапывать сокрытое, прояснять недоговоренное, заполнять собственными выводами недосказанное иной раз в условиях весьма неблагоприятных. А ведь ему бы только сказать!..

Впрочем, не только Родион Потапович Шульгин темнил насчет своего прошлого и своих возможностей. Я вела себя примерно так же. Он знал, что я способна на многое, но истинного масштаба моих возможностей оценить не мог.

Как говорил Акира, мой духовный отец и учитель, вся жизнь – это непрерывный ряд самопознаний и самооткрытий. И еще одно из Акиры: «Редко кто доныривает до дна собственной сущности».

Впрочем, я не думаю, что босс оценил бы эти слова Акиры, знай он о них. Акира был японцем, а босс старался вуалировать свое отношение к представителям этой национальности. Кажется, на недавнем чемпионате мира по футболу, за которым он напряженно следил, российская команда проиграла именно Японии, и мой босс никак не мог им этого простить. Ребячество, конечно, но в каждом мужчине всегда очень много от ребенка, даже будь он выдающимся суровым политиком или большим ученым.

Вот так мы и таились с боссом друг от друга – по-крупному, а по-мелкому демонстрировали полную откровенность и взаимную приязнь, что было совершенно искренне.

И вот в один прекрасный день на самом излете лета ему пришлось несколько приоткрыть свои карты.

Отправной точкой для этого послужил некий звонок, с которого, собственно, и начались все неприятности. Звонок этот раздался в самое неподходящее время: Родион Потапович советовался со мной, куда бы ему лучше поехать со своей женой Валентиной. Подразумевалось, что и я отправлюсь на отдых, конечно, отдельно от четы Шульгиных, потому что после такого отдыха, пожалуй, пришлось бы отдыхать повторно. Двухлетний Тапик и шарпей Счастличик вверялись заботам тетушки Родиона, внушительных габаритов даме лет шестидесяти, громко-голосой и шумной, но, как часто бывает у подобных людей, с очень добрым сердцем.

Родион Потапович сидел за своим рабочим столом и, поигрывая зубочисткой в виде миниатюрной мушкетерской шпаги, говорил чуть нараспев:

– Сезон у нас выдался неплохой, так что, я думаю, не надо особо экономить, тем более что я сто лет не отдыхал и в кои-то веки установилось некое затишье в работе.

– Лучше отключите телефон, босс, а то, что называется, накаркаете, наклонится какой-нибудь клиент, – остерегла я.

– А я откажусь. Скажу, что занят.

– Бывает такая клиентура, что сложно отказать.

– Что ты имеешь в виду? – насупился Шульгин.

– Да так, знаете ли, Родион Потапович... словом – бывает. Не будем углубляться в неприятные подробности.

В этот момент в дверь осторожно постучали, и вошла Валентина. С тех пор как она вышла замуж за Родиона, она похудела, приобрела сонный меланхолический блеск в очах, а ее широковатый нос вытянулся уточкой. Дополняли портрет моей подруги бигуди в крашенных кудрях, при посредстве которых она к вечеру приобретала известное сходство с каракулевой овечкой.

– Что это вы тут секретничаете? – спросила она и чуть подвинула к переносице брови.

Удивительная женщина Валя! Когда мы с Родионом сидим рядышком ночи напролет, обмозговывая разные разности, Валентина, странное дело, не ревнует, хотя для ревнивицы материала хоть отбавляй. А вот когда мы с боссом на пятнадцать минут остались наедине в его кабинете, тут Валя позволяет себе проявлять недовольство. Как будто не знает, что ее благоверный совершенно не в моем вкусе: если уж дело дошло до пристрастий и вкусов, то мне нравятся мужчины более габаритные и с более строгой прической, нежели тот лирический беспорядок, что царит на голове босса.

Впрочем, в любом случае в мужчине главное – ум и надежность. А вот этих качеств у Родиона Потаповича не отнимешь.

– Опять, Машка, думаешь Родиона сбить с пути истинного, а? – тоном а la «сварливая баба» проговорила Валентина.

– Ты что имеешь в виду?

Та засмеялась:

– В том смысле, что подбиваешь его не брать тайм-аута в делах. Верно, опять заказ обсуждаете?

– Пока бог миловал, – сказала я. – А что касается отдыха Родион Потапыча, то тут я всегда «за». Пусть съездит куда-нибудь на юг, в Турцию или там на Кипр.

– А сейчас и в Сочи неплохо... – начал было Родион и взглянул на жену. – Бархатный сезон скоро начинается...

– Дорогой, но в Сочи я была... правда, несколько лет назад, но все равно мне хотелось бы туда, где я еще ни разу... ну, например... я даже язык стала изучать... например, в...

– Ну куда, куда?

– В Испанию.

– В Испанию? – переспросил Родион Потапович, по привычке запуская пятерню в и без того лохматую шевелюру, которая тут же превратилась в запущенный куст где-нибудь на окраинном пустыре. – Гм... ничего. Интересно.

– Я и тур один симпатичный присмотрела, – оживилась Валентина. – Хороший такой тур и недорогой. У нас ведь есть деньги?

– Да, у нас есть деньги, – натужно ответил босс.

– Чудесно! Я уже просматривала несколько рекламных проспектов, если хочешь, я принесу их сюда, и мы вместе обсудим, на чем лучше остановиться. Ты ведь договорился со своей тетушкой, что она возьмет к себе Тапика и Счастличика?

Теперь настала моя очередь морщиться: несмотря на многомесячную привычку, имена все равно резали слух; особенно если вспомнить о том, как резали слух звуки, которые испускали жизнерадостные обладатели этих имен.

– Я договорился, Валя, договорился, – сказал Родион. – Мы тут с Марией обсуждаем, поехать ли нам всем вместе или же отдельно друг от друга?

– Конечно, вместе! – отозвалась Валентина. – Мне без Марии будет скучно. Ты, Родион, уж больно занудный. Нет, с тобой, конечно, хорошо, только ведь тебя, если мы в Испанию, никуда и не вытащишь, кроме твоего ужасного футбола. Ни на пляж, ни на аттракцион, ни в театр.

– В театры в Москве ходи, – сказал босс. – А в Испании жарко, там на свежем воздухе нужно быть. А за Марию ты не решай, она сама скажет, как ей удобнее, с нами или, конечно, без нас.

– У вас такая своеобразная постановка вопроса, Родион Потапыч, – сказала я. – После вашего чудесного «конечно, без нас» я почувствую себя очень неуютно, если стану набиваться к вам в компанию.

– Ты его не слушай, – немедленно заявила Валентина. – Он, между прочим, по-моему, сам не знает, что говорит.

– Валя, я все равно собиралась поехать отдельно от вас. Кажется, мы тут достаточно мозолим друг другу глаза. Так что лучше поехать поодиночке. То есть ты и Родион вместе в Испанию, а я в арьергарде... ну, закачусь куда-нибудь в Чехию, что ли. Там, говорят, очень прилично.

– Да, и пиво чешское, – оживился Родион Потапович. – Правда, я не любитель пива, – чуть сменил он вектор своего вмешательства под пристальным взглядом жены. – Я все больше коньяк, ну, вино хорошее, выдержанное. В самый раз в Испанию, херес с мадерой дегустировать.

– Решено, – сказала я, – вы едете в Испанию, а я, наверное, в Чехию. Хотя можно и в Голландию, там, говорят, живописно.

– Квартал «красных фонарей» в Амстердаме, – сказал Шульгин лукаво, – тюльпаны и всюду оранжевый цвет! Ты уж, Мария, сразу в Париж. Лучшего места для женщины, путешествующей в одиночку, верно, и не найти.

Глаза Валентины, до того маловыразительные и сонные, волнуяще вспыхнули. Она глубоко вздохнула:

– Ну как же!.. Париж! Родион, а если?..

– Ты ведь уже решила ехать в Испанию, – сказал Родион. – Даже язык начала изучать. Неужели теперь все это пойдет насмарку?

Валентина не поняла юмора Родиона Потаповича. Она покачала головой и наконец ответила:

– Как же я выпустила это из виду? Ну, конечно же, Париж! На недельку, а, Родик? Или это дорого?

– Да не так уж это и дорого, – начал было босс. Но его фраза была скоростно превервана тем самым телефонным звонком, с которого, как я уже упоминала выше, начались все неприятности.

– Не поднимай! – сказала Валентина. – Тетушке ты сам должен звонить, а всех остальных... ну их!

– Говорила я, что нужно было отключить аппарат, – назидательно буркнула я. Но было уже поздно: босс снял трубку.

– Шулгин слушает.

Даже со своего места на диване, в трех метрах от стола и телефонного аппарата Родиона Потаповича, я услышала, как в трубке внушительно зарокотал незнакомый голос. Судя по всему, звонивший обладал оперным басом или по крайней мере голосовыми данными боцмана на судне большого тоннажа. По всей видимости, все эти соображения также пришли в голову боссу, более того, они не вызвали у него восторга, потому что после первых десяти секунд рокотания в трубке его брови поползли вверх, потом резко прыгнули вниз, сходясь у переносицы, а губы сжались, образуя твердую линию, определенно выражающую недовольство.

– Но знаете... – начал было Родион, видно, улучив момент, когда в непрерывной стене рокотания образуется хоть какая-нибудь брешь. Однако же голос в трубке подпрыгнул, разродившись жирными, весомо бухающими обертонами, и Родион Потапович поспешил замолчать. Он слушал еще около минуты и проговорил:

– Но, товарищ генерал, я понимаю вас, однако же, к сожалению, вряд ли смогу вам помочь. Я занят, я крайне занят... Чем занят? Вы знаете, дело в том, что это – неважно. Товарищ генерал, мало ли хороших специалистов у вас в управлении? Почему вы хотите задействовать именно меня, хотя уже несколько лет не... – Он подозрительно оглянулся на меня и Валентину и поспешил договорил: – Несколько лет не работаю. В том-то все и дело? – переспросил он, явно машинально повторяя слова невидимого собеседника, только с вопросительной интонацией. – Но, товарищ генерал, я, конечно, рад бы помочь, однако... Что?

Родион снова оглянулся и сделал нам страшное лицо. Это было верным сигналом к тому, чтобы мы обе покинули его кабинет. Пришлось подчиниться, хотя и не с той поспешностью, с какой хотелось хозяину этого кабинета. Валентина даже задержалась на пороге, надеясь услышать что-нибудь занимательное из беседы мужа с неведомым генералом, но Родион гикнул... нет, не на жену, он ее не видел, а на пса Счастливого, возжелавшего перегрызть телефонный провод. Родион гикнул, пес выкатился неспешно разгоняющимся ленивым шаром, однако его кинетической энергии вполне хватило, чтобы вынести Валентину из дверного проема. Хвостатая тварь с утробным рычанием скрылась под лестницей, а я едва успела подхватить Валентину, чтобы она не упала.

Дверь Родионова кабинета захлопнулась.

– Ну и псина! – недовольно выговорила я. – А эта ваша тетушка...

– Не наша, а Родиона.

– Ну хорошо, а эта тетушка Родиона не промышляет разведением собак? Может, отдать ей этого динозавра, удачно маскирующегося под пса, на вечное хранение?

– Что ты такое говоришь, Маша? – искренне изумилась Валентина. – Да для чего же мы его заводили? Для того, чтобы потом отдавать разным тетушкам?

– Вот и я о том же: не пойму, зачем вы его заводили, – вздохнула я.

– На самом деле ты не о том говоришь. Я беспокоюсь, о чем там говорит Родион с этим, который...

– С генералом.

В представлении Валентины любой генерал всегда был этаким бурбонистым, грубым, щедро коррумпированным дядькой, носящим мундир со множеством звездочек на погонах, фельдфебельские усы и привычно раздувающим щеки в грубом окрике или резкой команде. Генералами не становятся, генералами рождаются, но, конечно, рождаются только в генеральской семье – таково было мнение Валентины по генеральскому вопросу. У генерала красное жирное лицо и красная подкладка мундира.

Надо полагать, все эти клишированные представления промелькнули в голове Валентины, потому что лицо ее выражало большое беспокойство, и чем дальше, тем больше.

– Как ты думаешь, Мария, – осторожно начала она, – этот генерал, который говорит там с Родионом, он что... может поручить Родиону что-нибудь такое... и сорвать нам отпуск, да?

Я засмеялась, хотя что-то подсказывало мне, что подозрения Валентины, озвученные только что, могут быть не так уж и беспочвенны.

– Ты знаешь, Валя, Родион – он ведь не служит в армии или в милиции, он никому не подчинен, кроме самого себя. У нас частная структура, понимаешь? Никакой генерал не может отдавать Родиону приказ.

– Но ведь Родион раньше работал где-то чуть ли не в КГБ, – быстро сказала Валентина, морща носик и словно готовясь заплакать. – Быть может, это звонит его бывший начальник, и он...

– Знаешь, Валя, – перебила ее я, – я сама чаще всего принимаю звонки и могу тебе сказать: кто нам только сюда не звонит! Однажды в один день позвонило пятьдесят человек, от депутата Госдумы до бомжа, который нашел мобильник и развлекался тем, что методом подбора случайных чисел звонил всем подряд. Разве что только президент не звонил. А что касается братвы, так она вообще трубки обрывает каждый день, причем всякий раз с разными целями: то сулит дикую сумму за находку любимого питбуля со вставной золотой челюстью, то грозит подпалить нас к чертовой матери, если мы не прекратим совать нос в чужие дела. Так что генеральский звонок – это довольно обыденное явление, можешь не волноваться. Нам пару раз даже с того света звонили... то есть люди, которых считали мертвыми. А один впавший в летаргический сон вор-рецидивист, которого сочли мертвым и уже несли в крематорий для кремации, очнулся прямо на носилках, убежал и звонил с таксофона, чтобы его немедленно забрали. Потом оказалось, что зря он это сделал, потому как ему дали пятнадцать лет. Вот такие звонки бывают, Валя. А ты говоришь – генерал! Ничего особенного.

Кажется, зря я выдавала весь этот монолог. По всей видимости, Валентина в силу ее врожденной наивности, умноженной на нехватку времени вследствие ухода за ребенком и т. д., и не подозревала, что под крышей нашего мини-небоскреба, построенного на месте бывшей трансформаторной будки, раздаются подобные звонки. Она даже присела и пролепетала:

– Что же... правда, да?

Я мысленно выругала себя за болтливость и хотела уже что-то сказать в свое оправдание, но тут дверь открылась и вошел Родион.

– Ну что? – спросила Валентина.

– Да ничего. Просил об услуге, я сказал, что подумаю.

– А если ты откажешься, они что... подпалят дом?

Ну вот. Нашла кому говорить об угрозах, которые щедро расточаются в адрес нашего агентства ежедневно и, что самое неприятное, практически еженощно. Валентина уже использовала одну из упомянутых мною угроз, вставив ее в свою дрожащую фразу-предположение.

Шульгин досадливо поморщился:

– Что ты за глупости такие говоришь?

– Это не глупости, мне Мария... – начала было Валентина, как сверху донесся бравурный рев проснувшегося дитяти и практически тут же, обрадовавшись концерту, залаял пес Счастливчик. Родион качнул головой и сказал:

– Пойди поднимись к ребенку. Что-то он там раскричался. Да и собаку уйми, она, кажется, не кормлена.

Валентина ушла, что-то недовольно бурча под нос. Я посмотрела на сдержанное лицо босса и спросила коротко:

– Ну что?

– Честно говоря, пока и не знаю, что тебе сказать, – ответил он. – Собственно говоря, ты сейчас сама этого деятеля увидишь.

– При погонах?

– Вряд ли, – ответил Родион Потапович. – У них в конторе не принято афишировать свои чины. В штатском он придет скорее всего.

– Понятно, – сказала я. – Гости из ФСБ. Мне, разумеется, не присутствовать, как обычно? Буду только рада.

Родион некоторое время словно промерял меня в глубину очень пристальным, практически нескромным взглядом и наконец удосужился ответить:

– Нет. На этот раз твое присутствие потребуется. Будем вместе отрешиваться руками и ногами.

Глава 2

Ожидаемый генерал оказался довольно невзрачным типом. Серым. Да и подъехал он на невзрачной серой «Волге», забрызганной грязью. Где он сподобился забрызгаться, ума не приложу, так как последние две недели дождя не было не только в метеосводках, но даже во сне.

Мы с Родионом смотрели за ним через камеру наружного наблюдения. Генерал что-то коротко сказал шоферу, плечистому молодцу с мясистыми ушами и массивным, гладко выбритым затылком, и раскачивающимся шагом направился к нашей двери. Не дожидаясь, пока он позвонит, я нажатием кнопки деблокировала дверь.

Через секунду он показался в дверном проеме и стал оглядываться.

– Да, это здесь, товарищ генерал, – сказал Родион. Генерал медленно приблизился к боссу и по некотором раздумье протянул ему руку, пожав кисть Шульгина одними кончиками пальцев. Потом его взгляд переместился на меня, и генерал предположил гулким бочковым басом, раскаты которого, как помнится, просачивались даже через телефонную трубку:

– А это, конечно, твоя жена, а, Шульгин? – Не дожидаясь ответа, генерал подошел ко мне и протянул руку. Машинально я коснулась его ладони. Она оказалась сухой и очень горячей. Как пляжный песок.

– Товарищ Шульгина, – с хитрой улыбкой, открывавшей маленькие серые зубы, произнес генерал, – у нас разговор с вашим мужем. Так что мы пройдем в кабинет. Давай, Родион, шевелись.

– Только это не моя жена, – настороженно сказал Родион Потапович, – моя жена наверху, с ребенком. А это – моя ассистентка, компаньонка, моя правая рука. Мария Якимова. Вы о ней, кажется, упоминали в телефонном разговоре, товарищ генерал.

Темные буравчики генеральских глаз впились в меня с кровососущим пиявочным эффектом. Откровенно говоря, я никогда не любила, когда меня так разглядывают. Особенно когда я одета по-домашнему: в шортах куда выше колена, в босоножках и легкомысленной желтой майке, которую босс шутя называл «клинической униформой». С Родионом Потаповичем мы столь плотно контактировали по работе, что я его и за мужчину-то почти не считала (в хорошем смысле этого слова). А вот в присутствии этого серого генерала я почувствовала себя неловко.

– Значит, я ошибся, – наконец сказал посетитель, – это и есть ваша Мария. Я ее представлял по-другому. На манер тех снайперш, что были в наемниках у чеченцев еще в первую войну. Этакая белобрысая монументальная дама с бицепсами и трицепсами, бегающая стометровку за одиннадцать минут и попадающая из «оптики» в спичечный коробок с пятисот метров. В общем, такая бой-баба.

– Я вас разочаровала, товарищ генерал? – почти не скрывая вызова, спросила я. – Мне нужно потолстеть и форсировать стрелковую и беговую подготовку, не говоря уже о наращивании мускулатуры?

– Отставить такое говорить, – полусхотливо отозвался он. – Напротив, приятно видеть, что и красивых женщин в России можно приставить к делу, а не только пускать по подиуму и по панели.

Надо сказать, что и эта фраза была далека от того, чтобы счесть ее комплиментом. К счастью, Родион Потапович наконец-то соблаговолил вмешаться и прекратить эти, с позволения сказать, неуставные разговорчики.

– Товарищ генерал, и вы, Мария... давайте перейдем непосредственно к делу, – строго сказал он. – Пройдемте в кабинет.

В кабинете генерал оглядел интерьер, цокнул языком, последовательно ткнул пальцем в клавиатуру ноутбука на столе Родиона, в лазерный принтер и в модем, потом взвесил на руке массивную бронзовую пепельницу в виде головы царицы Нефертити, привезенную одним из знакомых босса из Каира, и, наконец, резюмировал общее впечатление от увиденного:

– Неплохо устроился, товарищ Шульгин. Компьютеры, кондиционеры... диван вон какой славный. Кожаный, надо полагать?

– Кожаный, – сухо подтвердил босс.

Генерал шустро уселся на расхваленный им диван и повернулся ко мне:

– Вы, стало быть, Мария Якимова. У вас более оптимистичное лицо, чем на фото в досье. («Ах, он еще и мое досье изучал, генеральская душа!») Ну что же, будем знакомы. Моя фамилия Азарх. Генерал Азарх. Не трудитесь копаться в памяти, вы никогда не слышали моей фамилии. Я же все-таки не бывший председатель КГБ Крючков. Или Юрий Владимирович Андропов. Я генерал ФСБ Азарх, – еще раз, наверное, для лучшего закрепления материала в моей голове повторил он. – Впрочем, о моей ведомственной принадлежности вам, думаю, сказал товарищ Шульгин. Он и сам вышел из недр нашей конторы. Кузница кадров неплохая. Да. Так вот, товарищи, дело вырисовалось досточно скверное. Речь идет о...

– Простите, товарищ генерал, – мягко прервал его Родион Потапович, – прежде чем вы сообщите нам о сути проблемы, если это вообще, конечно, потребуется... так вот, прежде я хотел бы сказать вам о своих сомнениях. По телефону вы сказали: разберемся на месте. Теперь я хотел бы говорить напрямую. Дело в том, товарищ генерал, что сейчас чрезвычайно неудачное время для моего задействования куда бы то ни было. То же касается и Марии.

– А в чем, собственно, дело? – спросил Азарх. Его глаза-буравчики сверлили босса не хуже новенькой бормашины.

– Дело в том, что я не... – Родион проглотил досаду. Он не привык ни перед кем оправдываться. – Дело в том, что в данный момент я нетрудоспособен. Мы переутомлены. Слишком много работы, нам нужен отдых.

Генерал улыбнулся. Улыбки я от него, признаться, в этом месте разговора не ожидала.

– И как же вы хотите отдохнуть, Шульгин?

– К примеру, махнуть в Испанию.

– Недурно. Погода, коррида, херес, солнышко. Это ты неплохо придумал, Родион Потапович. И на чем?..

– Простите?..

– И на чем, говорю, добираться туда думаешь?

– Самолетом.

– Или, скажем, на круизном теплоходе, – предположил генерал Азарх.

– Ну, или так.

– Тогда я не вижу никаких проблем, почему бы вам не взяться за это дело, совместить приятное с очень полезным. Для державы полезным.

– Простите?

Генерал Азарх коротко хохотнул и раскатил свой фундаментальный бас:

– Да просто я и сам хотел предложить вам один такой круиз!

Мы с Родионом переглянулись. На мгновение у меня мелькнула шальная мысль, что Федеральная служба безопасности начинает сокращение в своих рядах, и те, кто ставится под чистку, перепрофилируются по роду деятельности и начинают образовывать свои частные конторки, но уже не имеющие отношения к особенностям национальной безопасности, если заимствовать словочетание «особенности национальной...» из известной серии фильмов. Один сокращенный генерал, допустим, занялся торговлей и открыл бутик «От КГБ», где торгует шпионскими аксессуарами и амуницией, переделанными для нужд общества. Второй сокращенный генерал открыл эксклюзивный мебельный салон «Диссидент», третий подался в укоро-

тители диких животных: внушение и подавление с помощью секретного инструктажа. Генерал же Азарх, последний среди представленных якобы сокращенцев, организовал свой туристический бизнес и теперь с успехом прокатывает туры. Один из которых он и приехал нам предложить.

Вся эта несусветная ахиня промелькнула в моей голове за считанные доли секунды, а потом я призвала себя к порядку и осторожно спросила:

– Товарищ генерал, простите... но какое отношение круизные туры имеют к вашей, так сказать... деятельности?

– В данном случае – самое прямое, – сказал генерал. – Для простоты отношений скажу: можете считать меня частным лицом. Предположите, что я представляю не государственную структуру, а частную компанию. То есть я ничем не выделяюсь из ряда традиционных клиентов вашего агентства. Я знаю, что на этом диванчике сживало много важных персон, на фоне которых я худ и бледен...

Я подумала, что худоба и бледность генерала Азарха вызывают у меня куда больше озабоченности и тревоги, нежели самые крупные габариты иных наших посетителей. Да и Родион, кажется, насупился. Видно было, что направление разговора его не устраивало.

– Итак, я излагаю? – спросил генерал.

– Но сразу скажу, что я стопроцентно не гарантирую, что мы возьмемся за это дело, – сказал Родион.

– Поглядим. Оно достаточно банально, друзья. Сначала я пройду вкратце, а потом, когда получу ваше согласие, изложу поподробнее. Итак. Из «почтового ящика», то есть закрытого НИИ, базирующегося у нас в Подмосковье, пропала ценная информация по секретному и очень перспективному проекту. Утечка ее обнаружена не так давно, около двух месяцев назад. Помимо самой информации пропал и главный разработчик. Это было около полугода назад. Очевидно, по подложным документам он выехал за рубеж. Следы его ведут в Испанию. Да-да, в Испанию, в эту замечательную страну, где вы хотите отдохнуть. А в Испании проживает одна весьма примечательная персона. Бывший комитетчик, из наших. Когда-то именно он курировал ряд проектов, проходящих в данном «ящике». Его зовут, – генерал Азарх выдержал внушительную паузу, – его зовут Петр Дмитриевич Платов. Бывший полковник КГБ Платов, если угодно.

Босс чуть вздрогнул и подался всем телом вперед. В его глазах вспыхнули сухие колючие искорки, верный признак пробуждающегося интереса.

– Вам, Шульгин, этот человек хорошо известен. Теперь он совершенно переменялся. Получил испанское гражданство, имеет приличное состояние. Иногда приезжает в Россию. Так, в последний раз он был в Москве полгода назад. Да-да, в то самое время, когда исчез ученый из НИИ. Платова по Москве вели наши люди. Впрочем, к нему сложно было придрататься: гражданин капстраны, видный бизнесмен, имел доступ практически к чему угодно с помощью особой пресс-карты МИДа. В общем, вырос Платов, поднялся. Тебе интересно, Родион Потапович?

– Да, – отрывисто бросил босс. – Дальше, товарищ генерал.

– А дальше – дальше зависит от того, согласен ли ты со своей помощницей взяться за дело, суть которого я уже вкратце набросал. По крайней мере она уже угадывается.

– Вот так, значит, – задумчиво произнес Родион. – А вы что-то говорили о круизе? Так, кажется, товарищ генерал.

– Да, верно. Круиз на средиземноморском лайнере «Александр Скрябин», находящемся на балансе туристической компании «Плато Барселона».

– Какая компания?

– «Плато Барселона», – повторил генерал Азарх. – СП, совместное предприятие, российско-испанское. Только, кажется, это номинально, на бумаге, а на самом деле и российскую и

испанскую стороны представляет один человек, владелец этой компании. А что, имеет право. И русских представлять, и испанцев. Недаром он себя в названии компании обозначил.

– «Плато»? Платов, значит, – проговорил босс. – А знали вы, товарищ генерал, как побольнее...

– А что, собственно, такое? – хитро прищурился тот.

– Почему, спрашивается, вы не поручаете это дело своим сотрудникам? Там ведь и покомпетентнее меня в сто раз найдутся.

– Ну уж так и в сто, – протянул генерал, – это ты преувеличил, Шульгин. А касательно того, почему своим не даю... это ты правильно отметил. В точку. Отвечаю по существу. Текучка кадров у нас сам знаешь какая. Многие ушли, многие пришли. Старых зубров не пошлешь, тут нужны кадры посвежее. Ты, Родион, ушел от нас примерно в то же самое время, что и Платов. К тому же у вас с ним особые отношения. Ты его хорошо знаешь, все подходы к нему, все уловки. Но это не главное. А главное то, что дело об исчезновении проекта засекречено. Не хочу я, чтобы до главного начальства дошло, а то ведь рано или поздно узнают, и тогда начнется. Сто гонцов по одному и тому же поводу отошлют в Испанию, набаламутят, а толку чуть. У семи нянек дитя без глаза, что уж говорить. Хотел я сработать без привлечения внимания. Откровенно говоря, не доверяй я тебе полностью – не пришел бы. К непроверенным людям тут не сунешься. А решить вопрос надо. А тебе, Родион, я впоследствии очень даже могу быть полезен. – Лицо генерала Азарха посуровело. – Так что денег не предлагаю, но – сам знаешь – сочтемся. Вот и решай.

И генерал неспешно откинулся на спинку дивана.

Родион постучал полусогнутым пальцем по столешнице, как он обычно делал, пребывая в раздумье.

– А что это за проект? – наконец спросил он. – Что за «ящик», где он разрабатывался и как фамилия руководителя проекта?

Генерал Азарх ответил без промедления:

– Дело в том, мой дорогой, что все это я скажу тебе только после того, как ты дашь согласие на сотрудничество. Желательно, чтобы это же сделала и твоя помощница. Она, насколько я усвоил из ее досье, тоже может быть весьма полезна.

Вторичное упоминание некоего досье на мою персону загло во мне искры раздражения. Однако я предпочла промолчать. Говорил босс:

– Генерал Азарх, дело в том, что мы можем дать только предварительное, так сказать, принципиальное согласие. Если же по каким-то причинам решим отказаться, а это не исключено, – он многозначительно посмотрел на меня, – то ведь никогда не поздно подписать документ о неразглашении.

– Я бы хотел обойтись без документов подобного рода, – протянул генерал.

– Дело государственной важности и без документов? Интересно излагаете, товарищ генерал.

Тот некоторое время гипнотизировал босса своими цепкими глазами и, поняв, что сеанс гипноза не удастся, проговорил:

– Ну что же, твоя взяла, Шульгин. Слушайте. Этот «ящик», НИИ-42, занимался работками по акустике. Ультразвук, инфразвук, прочее. Я в этом не разбираюсь, не мастак, короче говоря. Как известно, куратором «ящика» некоторое время состоял Платов. У него были налаженные связи со многими из тамошних специалистов. Так вот, после своего увольнения из госбезопасности Платов контактов не потерял. «Ящик» барахлил, его едва не закрыли, хотели переоборудовать на выпуск магнитофонов, что ли. Чушь полная. Правда, в последние два года «ящик» снова зашевелился, ему выделили определенную сумму из бюджета, работа пошла. Многие замороженные было проекты снова пошли в разработку. Так вот, одну из разработок, ту, что нас интересует, под кодовым названием «Не верю»...

– Как-как? – переспросил босс с явным интересом.

– «Не верю».

– Хорошее название для научного проекта.

– Да если бы одно название... – махнул рукой генерал Азарх. – Одним словом, проект НВ – сокращенно от «Не верю» – велся молодым, но чрезвычайно перспективным сотрудником по фамилии Вишневецкий. Кандидатская в двадцать три года, патенты на семь изобретений, полный банзай. Голова, словом. Так вот этот Вишневецкий довел до ума проект НВ или отработовал, что довел... Так или иначе, но вскоре была обнаружена утечка информации, причем в полном соответствии с российскими законами халатности – через четыре месяца после ухода Вишневецкого из «ящика» и отъезда его за границу по фальшивым документам. Только вот как мог этот Вишневецкий, по сути, нищая лабораторная крыса, так ловко все провернуть – вот что было загадкой. Чувствовалось, что за ним кто-то стоит. И тут появилась кандидатура Платова, который так кстати, а именно полгода назад, появился в Москве. Было проведено короткое закрытое следствие, в ходе которого установлено, что Платов и Вишневецкий действительно вступали в контакт примерно в эти сроки. Что характерно, Платов имел представительство в фирме «Полимер-Био», которая... я думаю, вы сами помните.

– Простите, как, как... «Полимер-Био»? – переспросила я. – Насколько я помню, Родион Потапович, у нас было следствие по этой фирме, от частного заказчика, разумеется, и...

– ...и фирма была закрыта и опечатана, а руководителей пересажали, – мрачно напомнил Родион. – Эти «полимерные» ребята, помню, хотели угробить Марию и на меня тоже киллера навели. Так какое, вы говорите, отношение имел Платов к этой чудесной фирме?

– Самое прямое. Фирма не только торговала полимерами, как гласит ее название, всякими там пластиковыми окнами и кабинками для биотуалетов, она использовалась Платовым, ее совладельцем, в своих целях. На этом «Полимере» орудовала когорта умельцев, компьютерщиков, типографов и просто красавцев, делающих паспорта, визы, удостоверения, грин-карты... и все это, представьте, в лучшем виде, не отличишь от подлинников. Вот там-то и отоварился паспортом Вишневецкий. Кстати, ваша контора, досточтимый «Частный сыск», ему сильно умастила. Явись в «Полимер» судебные приставы на день раньше, и нашего исследователя прихлопнули бы на корню. А так – он теперь в Испании, работает на Платова. Есть кое-какая информация о том, как именно он работает.

– И как же? – мрачно спросил Родион.

– Претворяет свое изобретение в реальность. Должен установить его в людных местах, проверить реакцию толпы.

– Так в чем же суть этого изобретения?

– Да я и сам внятно объяснить не могу. С этим вам лучше к специалистам обратиться. Впрочем, попробую рассказать, что понял. Словом, этот акустический бог Вишневецкий нашел какой-то особый способ обработки инфразвуков, потом еще каких-то мудреных звуков... черт ногу сломит. В общем, эти звуки действуют не опосредованно через барабанные перепонки, а сразу на подкорку, и от этого меняется восприятие человеком окружающего мира. Эффект как от отдельных видов наркотиков. Говоря проще, изобретение Вишневецкого – акустический аналог наркотических средств, взбодряющих или, напротив, угнетающих нервную систему. Это зависит от многих факторов. Но один из наших сотрудников испытал его действие на себе. Говорит – это нечто невообразимое. Такого кайфа не испытывал никогда. А главное, что проект дает возможность совместить новую акустическую систему с музыкальными центрами или этими... CD-плеерами. Подключаешь – и все, кайфуй.

– Не очень понял, но в целом уразумел, – кивнул Родион. – Ну и в чем же государственная значимость изобретения этого Вишневецкого?

– Как? – возмутился генерал. – Это же психотропное оружие, если посмотреть с точки зрения военных. Причем такой вариант, что его можно внедрить в массы! Вишневецкий нашел

такую технологию, при которой стоимость одной единицы этого НВ будет где-то четыреста долларов! Стоимость неплохого компьютера, и только-то. А если штамповать? Это же все равно что выбросить на рынок невероятное количество наркоты, галлюциногенной, седативной и стимуляторной! Торчи – не хочу! Вот что значит наладить массовый выпуск этой вещи. И этот проект ушел в Испанию. У нас не осталось ни единого окончательного варианта.

– Ясно, – сухо сказал Родион. – В самом деле, изобретательный ум найдет, как использовать проект этого вашего акустического бога. Да и сам Вишневецкий найдет. Особенно с подачи полковника Платова, который всегда отличался изобретательностью. Товарищ генерал, вы пока что посидите здесь, а мы с Марией выйдем обсудить некоторые детали, после чего я вам доложу свое решение.

– Подумай хорошенько, Шульгин.

Вдогонку это прозвучало более чем внушительно, почти предостережением.

* * *

Когда мы остались с глазу на глаз в комнатенке, смежной с кабинетом, Родион сумрачно сказал:

– Не знаю, Мария, что обо всем этом скажешь ты, но я думаю, что придется... гм... согласиться.

– Согласиться? – переспросила я. – Согласиться работать на этого гэбэшного бурбона, который толком не может даже сформулировать, что ему от нас надо?

– Он прекрасно знает, что ему от нас надо, иначе бы не пришел. По чести сказать, Мария, я много раз получал от него ценную информацию для наших с тобой частных расследований. А если не от него самого, то с его ведома и молчаливого согласия. Понимаешь? И в его власти перекрыть этот информационный канал. Он, конечно, не единственный, но все равно – удар будет ощутимым. Да и генерал Азарх не из тех, кто забывает обиду. Если мы сейчас ему откажем, он к нам никогда уже не обратится за помощью. И мы к нему тоже не сможем соответственно.

– А что же вы тогда, Родион Потапыч, виляли, говорили: мы, мол, устали, перетрудились, мы такие-сякие-измочаленные? Непонятно.

– Я проверял, в самом ли деле он так нуждается в содействии, серьезно ли?

– Ну и что, проверили?

– Да. Серьезно нуждается.

– Никогда бы не подумала, что генерал КГБ... то есть, пардон, ФСБ, может нуждаться в помощи частных лиц, одно из которых, извините за выражение, женщина, – саркастично отозвалась я.

– О многом мы не думаем и многого не понимаем. Лично я дам свое согласие. Впрочем, вас я тянуть не буду. Не хотите – не надо.

Когда босс переходил со мной на «вы», добра это не предвещало.

– Кроме того, – продолжал он как-то нарочито сухо, – есть еще один нюанс, добавляющий мою личную заинтересованность в это дело, не лишнее интриги. Этот Платов... Он был моим начальником. Очень, очень опасный человек. И я хотел бы встретиться с ним вновь. Общение с Платовым – это такая бездна адреналина, такая гремучая смесь опасности и азарта... ты знаешь, Мария, с ним как в казино. Или на ипподроме, на скачках. Никогда не знаешь, на что уповать, на что ставить, что выпадет. Кроме того, – босс чуть подался в мою сторону, – есть у меня к нему некие личные счеты, не так чтобы серьезные – но!.. В общем, расскажу как-нибудь потом. Если, конечно, согласишься на этот чертов круиз. Хотя убей меня бог, если я понимаю, что мы будем делать дальше, оказавшись на борту этого «Скрябина». Ну так как?..

– Я-то ангел во плоти, если говорить о терпении, – нескромно сообщила я, – а вот что скажет на такую перемену планов Валентина?

Вот теперь на лице Родиона Потаповича высветилась настоящая озабоченность. Он смотрел куда-то в сторону, переплетая пальцы и, кажется, прислушиваясь к все крепнущему крику Тапика, а потом вдруг просиял и, глянув на меня, бодро проговорил:

– А ничего! Ничего мы ей не скажем. Как будто ничего и не было. Все равно же нам предстоит ехать в круиз. И ничто не мешает нам взять билеты именно на «Скрябин». Тем более что, сдастся мне, два билета уже забронированы.

– А нужно три.

– Не вижу проблемы. Ну как... – Босс взял длиннейшую и не самую естественную из пауз. – Согласна, нет?

– А что остается делать... – неопределенно хмыкнула я. В самом деле, а что оставалось делать? – Бог с ним, с вашим генералом. Хотя, надо сказать, он напоминает мне тихого параноика, да и мы с вами далеко не ушли.

Надо сказать, что все последующие события полностью соответствовали моей неутешительной диагностике. Как поется в песне, «все, кто выжил в катаклизме, пребывают в пессимизме, их вчера в стеклянной призме к нам в больницу привезли»...

Глава 3

– В общем, так, – объявил Родион, переводя взгляд с меня на несколько натянуто улыбающуюся (а ну как супруг исхитрился бесплатную путевку в Сибирь приготовить!) Валентину. – Оформил я три путевки. Неплохо, конечно, но...

– Читай, читай, – сказала Валентина.

– Круиз называется «Бархатный», всего восемнадцать дней. Маршрут: Новороссийск – Одесса – Пирей... это вроде как афинский порт, что ли, – пояснил Родион, – далее: Чивитавеккья, это в Риме, потом – Ницца – Барселона – Мессина – Стамбул – Одесса – Новороссийск. Вот так. Возможен половинный круиз. То есть круиз от Новороссийска в конечной точке Барселона, пять дней в Барселоне, а оттуда самолетом в Москву. Лично я предпочел второй вариант, – поспешно уточнил он. – Один мой приятель взял тут недавно путевку на океанский лайнер, думал, что отдохнет на славу, а приехал зеленый, будто всю дорогу только и делал, что питался синезелеными бактериями или водорослями. Оказалось, приятель не учел такой простой вещи, как качка и сопутствующая ей морская болезнь. Полдороги в туалете просидел головой к унитазу. Да ты же его знаешь, Мария, – повернулся Родион Потапович ко мне, – мы с ним еще расследовали вместе дело... это... Сванидзе, Альберт Эдуардович.

– Который в прокуратуре работает? – переспросила я. – Помню. Забавный человек. Ну и как он, выжил после круиза или хворает?

– Дополнительные дни к отпуску пришлось брать. Работать после такого отдыха не мог.

– Значит, мы будем пять дней жить в Барселоне? – спросила Валентина.

– Да. Отель «Амависка», четырехзвездочный. Сервис, бассейн, бар, все такое.

– Прекрасно! – сказала Валентина. – Наконец-то ты проявил здравый смысл, дорогой. А то я уже было подумала, что после визита этого генерала можно на отдыхе крест ставить. Уж больно серьезно он к нашему дому подкатил, я в окно увидала.

Я с трудом сдержала улыбку.

Честно говоря, даже если бы не было никакого генерала Азарха, то и в этом случае никакой отдых в обществе моего босса не обещал быть спокойным и расслабляющим. Потому что он, как магнит, прямо-таки притягивал к себе различные неурядицы и осложнения самого хлопотного и смехотворного свойства. Он и сам знал это за собой по богатому жизненному опыту. Да и я, грешным делом, не производила впечатления человека, не умеющего наживать, уж простите за откровенность, приключения на свою задницу. Неэстетично, но верно.

Оставалось посочувствовать Валентине, настроенной, кажется, идиллически...

Отплытие лайнера было назначено через неделю. За это время нужно было основательно подготовиться не только к какому-никакому, но все же отдыху, но и к выполнению задания, навязанного нам генералом Азархом. Босс, кажется, окончательно отошел от такой полезной привычки, как сон. Он дни и ночи просиживал у своего ноутбука и лишь однажды сделал общественно полезное дело: вместе с Валентиной отвез Тапика и Счастливого к тетушке, проживающей то ли в Зеленограде, то ли в Подольске.

А за два дня до отплытия теплохода «Александр Скрябин» (напомню, что судно должно было отшвартоваться в Новороссийске, а мы все еще мариновались в августовской жаре в Москве) босс обозначился в своем кабинете, и выражение лица при этом имел самое серьезное. Я уже уложила вещи, потом спустилась из своей комнаты вниз, на первый этаж, увидела значительную мину на лице Родиона и поинтересовалась, в чем, собственно, дело.

– Я был в этом НИИ, – ответил тот. – В этом «ящике». Серьезное дело, скажу я тебе. Мне удалось побеседовать со специалистом, который соприкасался с исследованиями Вишневецкого. Я получил кое-какие характеристики самого Вишневецкого. Человек он замкнутый, малообщительный... Впрочем, если хочешь, считаешь на досуге, я беру с собой ноутбук.

– И что же сказал этот спец касательно изобретения Вишневецкого? Наверно, объяснил поподробнее, чем замечательный интеллеktуал генерал Азарх?

– Поподробнее, конечно, поподробнее, но я понял еще меньше, чем из объяснений генерала. Этот спец оперировал такими ужасающими терминами, причем они касались, кажется, не только звуков, но и всей акустики и даже оптики. Потому что, скажем, термин «монохроматический» употребляется применительно к световым лучам. А конкретно – лазерным.

– Родион Пота-а-а!.. – почти взвыла я.

– Ну ладно, ладно. Больше не буду. Мне и самому не хочется. Я так понимаю, что эти специалисты и особенно гэбэшники сами толком не понимают сути изобретения. И, таким образом, непонятно, откуда вся эта суета.

– Значит, кто-то понимает, – предположила я. – Нет дыма без огня.

– Кто-то понимает, – машинально повторил босс. – Так-то оно так, нет дыма без огня... Хотя знаешь, Мария, после всех этих «ящичков» начинаешь сомневаться в, казалось бы, самых простых и понятных вещах. Вот, к примеру, Мария, можно проколоть надутый воздухом шарик, помещенный в другой шарик большего диаметра, так, чтобы наружный шарик не лопнул? Как ты думаешь?

– Ну... наверно, нет. Как же? Нельзя.

– А вот, оказывается, можно. Мне показывали, у них шутка такая в оптической лаборатории. Простейшая, кстати. Внутренний шарик должен быть зеленым, а внешний – бесцветным. Делается это с помощью рубинового лазера. Этот красный луч проходит через внешний шарик, а зеленый цвет внутреннего поглощает красное излучение и прожигается. Лопается. А внешний остается совершенно целым, вот так. Как оказалось – элементарно, Ватсон.

– Но что же насчет проекта с таким забавным названием – «Не верю»?

– Насколько я понял, это акустическая система, обрабатывающая звук по-особому. Да, действует на подсознание, как сказал Азарх. Проще говоря, записывает на подкорку определенные данные, воспринимаемые их носителем как изначально там имевшиеся. Это я не понимаю, это я – цитирую. Теория суха, Мария, а вот на практике, брат, судя по всему...

– Нам придется похлебать воды, – заключила я.

Я еще не знала, насколько точно попадаю в кон этим необязательным речением.

* * *

Морской лайнер «Александр Скрябин» уходил из новороссийского порта тихим и теплым августовским утром. Чета Шульгиных и я едва не опоздали на него и попали на борт уже в последний момент, волоча за собой два чемодана и сумку. Вместе с нами по трапу взбежал толстый господин в джинсовой куртке поверх красной футболки, оживленно вещающий что-то в трубку сотового. Я его не слышала, слова унес шальной порыв ветра с моря, а вот по лицу страдальчески сморщившейся Валентины стало понятно, что лексикон толстяка был далек от джентльменского.

Уже на борту «Скрябина» толстяк столкнулся с меланхолично стоящим у борта долговязым мужчиной примерно одних лет с Родионом Потаповичем, с бледным продолговатым лицом и сильно косящими глазами, благодаря чему его взгляд был совершенно неуловим, то бишь смотрел он совсем в другую сторону, чем могло казаться.

Я машинально прислушалась к их беседе.

– И чего ты тут встал? – накинулся толстяк на косоглазого, начисто игнорируя стоящего тут же моряка, чьей функцией, очевидно, была проверка билетов.

Долговязый окинул недружелюбным взглядом толстяка, причем его глаза настороженно сползли к переносице, после чего вдруг произнес совершенно индифферентным голосом, игнорируя вопрос, только что обращенный к нему:

– Вы любите играть в казино?

Фраза произвела почти магическое действие на толстого джентльмена. Вероятно, произнесший ее сам удивился эффекту от своих слов – толстяк замер, как перед прыжком, а потом обрушил на собеседника свой вопрос.

– А че, тут есть разве? – с такой же интенсивностью завопил он, не отрывая трубки от уха. – Слышь, Колян, а ты трещал, что, типа, на этой корыте, значится, негде бабеус сбагрить!

Нам отвели соседние каюты. Одна, двухместная, была заказана для Родиона и Валентины, вторая, одноместная, для меня.

Валентина осталась в своей каюте принимать ванну, а я, расставив и разложив вещи по своим местам, пошла в бар-ресторан перекусить. В коридоре я встретила Родиона, он направлялся туда же – «промочить глотку газировочкой», как он выразился. Хотя пора уже было обещать, о чем настоятельно говорила ему Валентина, которая убеждала его повременить с посещением этого приятного во всех отношениях заведения. Тем более что она знала о пристрастии своего благоверного к хорошим коньякам.

– Интересно, Родион Потапович, что вы на этот раз от меня скрываете? – протянула я томно.

– То есть?

– То есть я не имею ни малейшего понятия о том, что нам предстоит делать на борту этого корабля помимо того, что наслаждаться отдыхом. А вы?

Он хитро улыбнулся и сказал:

– Ты знаешь, я тоже почти ничего не знаю.

– Но все-таки – «почти»?

– Все-таки «почти». Не оставит же меня генерал Азарх ну совершенно без инструкций.

И мы направились в искомое заведение, располагавшееся на третьей палубе. Одно из двух-трех подобных на корабле.

Несмотря на достаточно ранний час и неминуемые для только что взошедших на борт участников круиза хлопоты с размещением в своих каютах и распаковкой багажа, здесь было довольно многолюдно. На самом видном месте у входа восседал тот самый забавный шумный толстяк, что вместе с нами едва не опоздал на корабль. Он ожесточенно работал челюстями, время от времени что-то рывкая в зажатый между плечом и маленьким ухом сотовый телефон. Рядом с ним сидел примерно такой же амбал, только чуть поменьше, но совершенно идентичных пропорций, и синхронно двигал могучими челюстями, достойными иного питбуля.

Родион первым уселся за соседний столик рядом с великолепной парочкой, заказал себе обеденный минимум и алкогольный максимум, то есть бокал коктейля со льдом и ломтиками лимона. Максимум, разумеется, только для данного времени суток, потому как общеизвестно, что по утрам пьют исключительно аристократы и дегенераты, как говаривал незабвенный Лелик из «Бриллиантовой руки».

Я предпочла обойтись стаканом сока и порцией мороженого с фисташками. Есть пока что не хотелось.

В тот момент, когда Родион уже допивал свой коктейль, на его плечо легла тяжелая рука, и грузный здоровяк приземлился на стул рядом с ним.

Я взглянула с интересом.

– Чем обязан? – любезно спросил босс.

Тот посмотрел на него сначала справа, потом слева и с сомнением проговорил:

– Послушай, братан... конечно, я тебе, типа, мешаю... но откуда мне может быть знакомое твое лицо? Ты, случаем, не самарский?

– Нет, – с ходу ответил Родион.

– Тогда, по ходу, мы с тобой пересекались в Москве... базарили на разборке с Бампером. Ведь ты Славик?

– Ничего подобного.

– Я вспомнил, Алик, где я его видел. – Второй здоровяк, чуть поменьше калибром, плюхнулся на второй стул у нашего столика.

– Где?

– В Питере, в «Астории». Его Димон зовут. Он тогда приезжал с Круглоголовым рулить насчет там... А эта девуня с ним – она, типа, адвокатша из конторы. Юридич-чское... обеспеченне! Тебя же Аня зовут, подруга. Ну?

Глоток холодного сока помешал мне вовремя ответить. Впрочем, ребята и не стали ожидать, пока я сподоблюсь на ответную реакцию.

– Точно! – завопил монументальный Алик радостно. – Димон, как же это я тебя мог забыть-то? Ну что, как у тебя дела? Тачку себе прикупил новую?.. Тебе же тогда шлепнули «мерс» из гранатомета.

– А как Седой, Симонов и Натаха? – с ходу влез более мелкокалиберный. – Анюта, они же, в натуре, с тобой терлись, ты еще им ксивы через своих подмахивала. Чуть не спеклась через подсадных, из «козлятника».

Я отпила еще глоток. Теперь уже почему-то из бокала босса, где имелся алкоголь. Откровенно говоря, начало разговора меня позабавило. Родион Потапыч открыл было рот, чтобы отшить пришельцев. Не успел.

– А я собрался, понимаешь, прокатиться, – не дожидаясь ответа Родиона, подхватил Алик, – купил билеты на себя и на бабу... а эта Клава за день до того, как нам на самолет до Новороссийска, она, значит, шла из ресторана до тачки и по пьяни наверхулась в люк... этот, как его...

– Калинизационный, в натуре, – наморщив лоб, компетентно подсказал второй.

– Во-во! Там идти-то было всего влежку-то... метров пять или шесть... корррова! – смачно закончил Алик.

– Ну и что? – спросил Шульгин-«Димон», которого весь этот импровизированный концерт по заявкам уже начал забавлять, как и меня.

– Как это что? – прогрохотал тот. – Вот теперь вместо этой шалавы пришлось взять с собой Японца. А эта дура валяется в больнице... ногу сломала, е-мое. А мне тут паси Японца, в натуре.

Я посмотрела на второго гоблина, которого Алик назвал Японцем, и не обнаружила в его внешности ничего такого, что наталкивало хотя бы на косвенную принадлежность или даже отдаленное отношение к обитателям Страны восходящего солнца. Коктейль приятным теплом растекался по телу, с размеренной приятной ленцой бродил в голове, весьма располагая к общению, и я спросила:

– А почему Японец?

– Так он, дятел, прилип, как банный лист к заднице... возьми да возьми, – пожаловался Алик, – грит, типа, без проблем, что прокружили с телками, мы их тут и на кораблике ангажируем... типа, снимем, – расшифровал он непонятный широким массам термин. В число означенных масс, если судить по недоуменно скривившейся физиономии, входил и Японец. Оставалось только гадать, откуда сам Алик почерпнул представление о том, как нужно правильно произносить и в каких случаях вообще уместно употреблять такое мудреное слово.

– Да я не о том, – покачала головой я, – я насчет прозвища... откуда такое имя – Японец?

– А... – открыл было рот тот, но Алик предупредил его слова скоропалительной и высокоинформативной тирадой:

– А это я тебе легко, типа, втолкую. Ты, Анюта, у нас подкованная, так что быстро просечешь. Он когда еще шелупенью был... типа, в детстве... он книжку прочитал. Как она называется там, Японец?

– «Республика ШКИД», – угрюмо ответил тот.

– Во-во... и, типа, там был такой брателло, которого тоже звали Японец, и он в нулищу смахивал на нашего, значит. А наш Японец про книжного какой-то бутор гнал... ну, еще в детстве, и его и окрестили. Понятно, стало быть?

Я кивнула, Родион Потапович так и вовсе сидел, расслабленно улыбаясь.

– А ты с кем плывешь? – продолжал Алик. – Один, или с братвой, или, может, типа, с «волынкой»? С Анютой вместе или встретились уже тут?

– Тут, – коротко ответил Родион, глядя на входящую в зал ресторана Валентину в элегантном, хотя и очень просто сшитом и довольно коротком платье. – А плыву я вот с кем.

Валентина окинула зал несколько напряженным взглядом, заметила нас в компании двух колоритных братков и, мгновение поколебавшись, направилась к нашему столику.

Взгляды двух новых «старых знакомых», подкативших к нам в ресторане, скрестились на ней, потом Японец смачно прищелкнул языком, а Алик издал неопределенный звук, по эмоциональной насыщенности и тембру напоминающий гортанное «гы-гы» в исполнении самого сексуально озабоченного гиббона зоопарка.

– Молодца, Димон, – сказал Алик, – хоть и лохматый, а молодец. Плыл с одной, теперь будешь с двумя, если мы кому из них очень не приглянемся, а? – И он чрезвычайно хитро подмигнул мне.

– В самом деле, – глубокомысленно присовокупил Японец, с видом глубоко озабоченным поскребывая в канонически обритом затылке.

Босс свирепо усмехнулся.

– Не покатит, мужики, – медленно выговорил он, приложившись к широкому лицу сначала одного, а потом другого амбала далеким от восторга взглядом.

– Шучу, шучу, – поспешил вставить Алик. – Чтоб мы у своего же... Извини, коли че не так. У Японца с чувством юмора плохо, это он забурил всю тему.

Японец выбулькнул нечто, означающее полное согласие со словами своего кореша.

Подошла Валентина. В новом платье и с легким, но весьма умелым макияжем она выглядела года на двадцать два.

– Валя, это мои знакомые ребята Алик и Японец, – непринужденно представил парочку Родион Потапович, а потом повернулся к первому и сказал: – Господа, еще увидимся... например, сегодня вечером в казино. Если хотите, конечно.

– А-а-а, типа, можем рвать ласты, – ухмыльнулся Алик и махнул рукой Японцу: дескать, подымайся и не мешай человеку рулить с его дамами. – Ну че, тогда до вечера, Димон.

Парочка встала и направилась к своему столику завершать так успешно начатую трапезу. Валентина же недоуменно посмотрела им вслед, потом на меня и, переведя финальный вопрошающий взгляд на своего мужа, проговорила:

– Кто это?

– Да так... старые знакомые. По крайней мере они сами так думают, – отмахнулся босс.

– То есть как это... сами так думают? И почему они называют тебя Димоном?

– А Марию они, между прочим, называют Анютой. Если им так удобнее, пусть называют. Хорошие ребята, между прочим, – улыбнулся Родион Потапович, с явной иронией глядя на напряженное лицо Валентины с тревожно и недоверчиво сузившимися темными глазами.

Я поспешила добавить:

– Валя, они нас перепутали. Но вообще забавные, как эти... в зоопарке, приматы.

– Я надеюсь, что эти новые «старые знакомые» не причинят вам тех беспокойств, какие вы оба, великие детективы, с такой охотой наживаете на свою шею, – тихо сказала Валентина. – И если ты помнишь, Родик, что мы поехали отдохнуть, то я не хочу, чтобы ты затевал тут шерлокхолмсовские штучки... ты понял, что я имею в виду, правда?

– Ты мне не доверяешь, что ли?

– Все-таки все мужчины, даже самые умные и рассудительные, непроходимые глупцы, – улыбнувшись, проговорила она с внезапно просветлевшим лицом. – Ладно, пора обедать, Димон и Аня.

Глава 4

Морской лайнер «Александр Скрябин» был великолепным круизным судном самого высокого класса. Белоснежный многопалубный гигант нес в своих недрах целое курортное поселение со всеми атрибутами индустрии развлечений – рестораном, двумя барами, казино, варьете, дискотекой, двумя тренажерными залами, бассейном, саунами и даже теннисным кортом. Все оборудовано по европейским стандартам и фактически безукоризненно даже на самый придирчивый взгляд. Разумеется, пользование упомянутыми евростандартами стоило не так дешево, и потому на лайнере собиралась преимущественно весьма состоятельная публика, для которой доллары, заплаченные за этот средиземноморский круиз, никогда не были последними.

О нас можно было сказать то же самое. Мы с Родионом провели достаточно удачный сезон, раскрыли несколько весьма крупных дел, самым прибыльным из которых следовало признать дело банкира Мамина, в семье и на работе которого происходили странные вещи. Наш гонорар за одно это дело мог спокойно обеспечить подобный круиз. А то и подороже. Я не хвастаюсь, нет. Деньги были честно отработаны, и именно в деле Мамина нас чуть не угрохали, так что вместо путешествия гонорар мог быть потрачен на ритуальные услуги.

Но, насколько я знала, Родион Потапович взял с собой довольно приличную сумму. Я тоже не сидела на мели, так что отдых обещал быть полноценным, если, конечно, не помешает это злополучное поручение генерала Азарха.

Я всегда знала, что мой босс не чужд азарта. Он всячески гасил в себе это чувство, справедливо полагая, что оно противоречит всякой логике и здравому смыслу, что и определяет, по сути, профессию детектива. Он практически не играл ни в какие игры, за исключением разве что нардов. Два раза я видела его играющим в бильярд, и, кажется, в этой игре Родион Потапович кое-что понимал. По крайней мере дилетант вроде меня не может даже нормально приложиться кием к шару, не говоря уже о том, чтобы загнать этот шар в лузу. Когда же босс садился играть в карты, а это было чрезвычайно редко и по настроению, тут легко можно было определить, что он – человек азартный и увлекающийся: ноздри его трепетали, карты он брал с таким видом, словно это были не мертвые куски картона или пластика, а живые разноцветные бабочки. Что характерно, играл он одинаково, вне зависимости от того, на что играл. С одинаковым выражением лица он перекидывался в «дурачка», скажем, с одним из наших внештатников-старичков и играл в бридж с уголовным авторитетом Мамаем на собственную жизнь. Был такой случай. Понятно, что босс ту игру выиграл, иначе не сидеть бы ему на борту красавца теплохода «Александр Скрябин».

Я стояла у борта и обзревала превосходный вид. Босс подошел ко мне и произнес:

– Мария... а где Валя?

– Мы с ней ходили в солярий, – сказала я. – Наверно, она там задержалась. Когда она дома с Тапиком, у нее же нет времени на все эти лакомые женские процедуры: солярий, косметические маски, визаж... ну, вы понимаете.

– А это долго?

– Что – долго? – не поняла я.

– Долго она там еще будет?

– Я думаю, что определенное время это займет. Час-полтора. А что? – лукаво прищурилась я. – Вы решили, пользуясь отсутствием жены, оказать наконец мне знаки внимания?

Родион Потапович пребывал в раздумье. Кажется, он в самом деле думал, оказывать ему знаки внимания или же нет.

– Вот что, Мария, – наконец подал он голос, – погода, верно, прекрасная?

– А вы сами не видите?

– Времени уже прилично?

– Десять вечера. А что вы спрашиваете, Родион Потапыч, у вас вот у самого на руке часы. Он наклонился к моему уху с таким видом, словно хотел сказать мне что-то особо игривое:

– Мария, как ты смотришь на то, чтобы пойти в казино?

– Тут, на корабле?

– Ну, – раздраженно бросил он, – если ты собираешься плыть до ближайшего города, то сильно ошибаешься, что я составлю тебе компанию. Конечно же тут, на корабле!

– Инструкции генерала Азарха? – с преувеличенно таинственным видом протянула я, прищурив один глаз. Настроение было прекрасным, не хотелось думать ни о каких генералах и адмиралах, а уж тем более, упаси боже, о таинственных расхитителях капиталистической собственности, умыкнувших с НИИ-42 проект «Не верю».

Родион махнул рукой:

– Давай не об этом, а! Образно говоря... в общем, я сам буду помнить об этом генерале, черт бы его подрал! А ты не напоминай. Договорились?

– Ну да, – засмеялась я.

Родион окинул меня быстрым взглядом. Я была в коротеньких обтягивающих шортиках и коротенькой же пляжной маечке, что совершенно соответствовало установившейся погоде. Босс хитро улыбнулся и сказал:

– Как бы в нашу дружную компанию не клеился кто-то четвертый.

– Вы имеете в виду грозного преступника? – шутливо сказала я.

– Нет, я имею в виду отдыхающего балбеса, который захочет с тобой познакомиться, в чем, собственно, нет ничего удивительного... выглядишь ты просто здорово.

Я показательно скромно потупилась: босс вообще был скуп на комплименты, а если и делал их, то они были такими же нескладными, как он сам.

– Но в таком виде тебя все равно не пустят в казино, – подытожил он, – так что иди переодевайся. Надень какое-нибудь платье, ну, или там...

– Вы знаете, Родион Потапыч, на это ваши полномочия начальника не распространяются, – улыбнулась я. – Я сама лучше разберусь, что мне надеть. А в казино я пойду. Только вы не увлекайтесь.

– С чего ты решила, что я...

– А у вас глаза горят.

Он приложил палец к губам:

– Вот только о горящих глазах – никому. Особенно Валентине. Ясно?

– Так точно! – подтянув раскрытую ладонь к козырьку воображаемой фуражки, ответила я.

* * *

В казино мы незамедлительно встретили новых «старых знакомых». Надо такому случиться, что они тоже были тут. Впрочем, кажется, босс сам упоминал, что нас можно будет найти именно здесь.

...Нет, не случайно он пошел в казино. Впрочем, не хотелось забивать голову утомительными рассуждениями о целесообразности, выверенности и пр., и я, не колеблясь, оборвала нить своих рассуждений.

– А вот и Димон с Анютой! – радостно заорал Алик, увидев, как мы с Родионом входим в прозрачные, багрово отсвечивающие двери казино. – Здорово! Слушай, Димон, сгоняем партейку в бильярд, это там, в отдельной... а то Японец не умеет играть... полный идиот, знаешь ли.

Маячащий вблизи Японец что-то протестующе промычал, но его крупногабаритный товарищ не обратил на него никакого внимания.

– Ни хрена не рубит, – окончательно заклеил он Японца. – А ты, Анюттик, сегодня просто супер! – глянул он на меня и тотчас же облизал взглядом обтягивающее бархатное платье до середины колена, родом из парижского бутика с Фобура (привезла одна знакомая, сама я в Париже, к сожалению, не была). – Если захочешь кому подмигнуть, – продолжал Алик задушевно, – на предмет пообщаться, то лучше подмигни мне, я умею оценивать!..

– Ты ювелир, что ли? – ответила я.

– Нет, не ювелир – ценитель! Так что ты запомни, Анна.

Я уже начала привыкать к навязанному мне новому имени. Впрочем, по роду деятельности и для пользы дела мне часто приходилось именоваться разными ФИО, не имеющими ничего общего с моими собственными. Приходилось быть и Кадарбековой Гульнар Байсыев-ной, и Каринэ Аганбегян, и Хацеревич Софьей Моисеевной, и даже какой-то, прости господи, Хун Юнь Чуч с полной демонстрацией незнания русского языка. Так что побыть Анной для удовольствия хорошего человека из Питера мне труда не составляло.

– Так как насчет бильярда? – повторил Алик.

– Запросто, – кивнул босс и взял в руки кий. – На сколько играем?

– Давай для начала на двести баксов, – предложил Алик, – так, для разогрева, а потом поболе.

– Кстати, насчет разогрева, – произнес босс, – не желаете ли по маленькой коньячка – и в бой?

Они отвалили в смежную бильярдную, а я осталась в основном зале казино.

Зал казино был одним из самых больших помещений на корабле. Он располагался на самой верхней палубе. Задняя стена его, почти целиком застекленная, выходила на корму, откуда открывался превосходный вид на море и на серебристую пенную дорожку, которую оставлял за собой мощно рассекающий волны корабль. В казино были представлены многие виды азартных игр, но по уже устоявшейся новорусской традиции наибольшей популярностью пользовались блэк-джек и рулетка.

В полутемном зале, где свет разбрасывали лишь несколько неоновых мягких ламп и крутящийся фейерверк в самом центре казино, тем не менее не казалось сумрачно. Напротив, полумрак навевал какой-то располагающий к неспешному отдыху уют. А быть может, это настроение навевала даже не звучащая, а как-то пропитывающая прохладный кондиционированный воздух легкая музыка. Причем непонятно было, откуда она исходила, потому как эффект присутствия имелся, а никаких колонок или иных источников не было и в помине.

Конечно, это обстоятельство никого не занимало, равно как оно не занимало и меня. Я взяла бокал с подноса подошедшей девушки, обносящей легкими алкогольными коктейлями посетителей казино, и подошла к игорному столу.

Крупье глянул на меня с обезоруживающей готовностью, и я, приобретя десяток фишек, начала игру.

– Двадцать три, красное, чет, недобор, – выкрикнул крупье, загребая лопаточкой проигравшие фишки.

Мне же везло.

В то же самое время босс, как оказалось позже, обыграл Алика в бильярд и спросил:

– Как ты думаешь, если теплоход называется «Скрябин», то тут должна звучать только классическая музыка или нет?

Вопрос, очевидно, показался Алику дурацким, потому что он только фыркнул. Он интеллектуальными изысками босса явно не страдал и о существовании человека по фамилии Скрябин подозревал, видимо, только из-за названия теплохода, на котором он в данный момент находился.

Алик благополучно проиграл и вторую партию.

Стоящий рядом Японец басовито хихикнул и гулькнул здоровенный глоток из бокала, в котором был коктейль мартины с шампанским, тем не менее поглощаемый брателлой так, словно там скорбно наличествовала сивушная самопальная водка с максимальным содержанием метанола и канцерогенных добавок.

То есть пил его Японец залпом.

– Может, в рулетку? – предложил Алик, поняв, что при продолжении игры в бильярд у него если и остаются какие-то шансы, так это только на то, что он уйдет из бильярдной без гроша в кармане. Если, конечно, не поставит на кон и штаны, в которых эти карманы находятся.

Вскоре они присоединились ко мне. Настроение у меня было превосходное. Крупье смотрел на меня уже подозрительно, но старательно отгребал выигранные фишки в мою сторону. Я выпила еще коктейль и уже хотела было обналечить выигрыш, памятуя о том, что в игре главное – вовремя поймать момент, когда удача от тебя отворачивается. Но босс и наши новые знакомые заявили, что не мыслят себе игры без моего звездного (по выражению того же Алика) общества.

– Ну? – по-джентльменски осведомился у дамы матерый Алик. – Еще поставишь, Анюта?

Ну что же!.. Я кивнула, лучезарно улыбаясь. Я находилась в необычайно счастливом расположении духа, когда все за тебя и сама удача играет на твоей стороне, словно подсказывая, какой ход принесет тебе очередную победу и еще шире распахнет твои глаза лучащимся светлым довольством этой жизнью. Жестокой и часто горькой, но порой так щедро отваливающей удачу.

За соседним столом в рулетку играли еще двое: молоденькая, лет восемнадцати, девушка с надменно оттопыренной верхней губкой и высокий мужчина в черной рубашке, в котором я тут же признала косоглазого, который встретил нас у самого трапа, а потом преследовал Алика взглядом беспорядочно разбредающих в разные стороны глаз.

Выглядел этот господин неважно, лицо какое-то бледное с прозеленью, косые глазки бегали во все стороны, словно тщаься ухватить что-то жизненно важное.

Несмотря на определенно плохое самочувствие, он был охвачен азартом, потому что увлеченно ставил на что ни попадя и раз за разом проигрывал все больше и больше. Его продолговатое лицо вытягивалось от досады, а девушка, которой тоже, по всей видимости, не слишком фартило, презрительно косилась на него и кривила уголок хорошенького рта, а потом доставала из своей сумочки все новые порции финансовых вливаний и покупала фишки у стоявшего тут же представительного крупье, не забывающего улыбаться клиентке.

Косоглазого узрел и Алик.

– А, здорово, – приветствовал он его. – Ну че, катит или нет?

Тот вздрогнул и посмотрел на Алику почти испуганно, а потом горестно пожаловался:

– Да проиграл уже сто двадцать три доллара и еще пару пятицентовиков закатил под стол.

Девушка пренебрежительно усмехнулась и загребла лопаточкой новую порцию фишек, которые так упорно отказывались приносить ей удачу.

Родион смотрел на косоглазого...

Я раскидала еще десять фишек по столу и тут же довольно прилично выиграла.

– Везет тебе! – ухмыльнулся Алик, который тоже успел сделать ставки и прогорел в очередной раз.

– Везет, – откликнулся почему-то Японец, который, кстати, тоже не остался внакладе. Дуракам, говорят, везет, а Японец по уровню своего интеллекта годился не то чтобы в дураки, а просто катастрофические имбецилы с небезосновательной претензией на идиотизм. По крайней мере по внешнему виду.

Стоявший возле меня босс счастливо засмеялся. Судя по выражению его лица, давно уже он не чувствовал себя так уверенно, настолько в своей тарелке. Да и я тоже. Выигрыш

казался так прост и возможен, что только протяни руку и брось фишки на то число, которое тебе шепнет благосклонная фортуна, – и все, ты победила. Тебя поливают шампанским из откупоренной бутылки, как то заведено, скажем, на гонках «Формулы-1», все встают и хлопают в ладоши, а оркестр помпезно играет нетленную композицию Фредди Меркури «We are the champions»...

Лишь бы не явилась Валентина и не разрушила всю эту идиллию.

Глава 5

Около двух часов ночи меня обуял приступ непонятной, необъяснимой тревоги. Инстинкты заиграли.

Словно опомнившись и вынырнув из сумасшедшего воздуха казино, я вышла на палубу. Во рту настойчиво и невыводимо тлел горький привкус от выпитых за вечер бесчисленных коктейлей. А может, и не от коктейлей вовсе, а оттого, как все неожиданно и глупо повернулось. Любой нормальный человек должен знать, что фортуна рано или поздно должна поворачиваться к человеку тем, что наиболее соответствует ее отношению к жалким рабам безудержного азарта, – а именно задницей. Впрочем, мне еще грех жаловаться: я осталась при своих. А вот косоглазый, и та надменная девушка, и еще некоторые, включая Алика, – просадили куда больше. Вообще, надо сказать, вечер удался. Та девушка просадила бы еще, если бы не появился мужчина, который буквально оторвал ее от игорного стола, схватил в охапку и уволок из казино. Алик и даже на редкость бесстрастный Японец тоже отвязали себя на полную катушку. Никто не уходил, народ только прибывал, и все с редкостным единодушием жаждали оставить на столах свои не самые тощие финансы.

В такой обстановке несложно и голову потерять. Босс, видно, и потерял, хотя на него это непохоже.

Я зашла в каюту, где расположились Шульгины. Тут я застала Валентину. Я ожидала от нее чего угодно – жалоб, претензий на то, что ее оставили одну, даже угроз, но только не того, что она сказала:

– А, вот и ты, Машутка! Так здорово, так здорово! Как хорошо, что мы поехали!

– Ты что, на что-то удачно наткнулась? – спросила я.

– Ну, не надо быть такой пошлой, Машка! – звонко засмеялась она.

– Ты что, в прямом смысле это поняла?.. Я образно говоря. Вот. А мы...

– А где мой-то? – перебила она, не дожидаясь, пока я договорю. – Вы как запропали, так и с концами. Или у вас проклюнулась симпатия? Курортный роман?

Громы и молнии не состоялись. Я ответила:

– А он в казино. Играет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.